

Цинь Хуань с детских лет рос во дворце и, конечно, никогда не видел таких простых и грубых методов приготовления пищи. Каждое движение Чжао Цинфэна казалось ему удивительно интересным, и он, не в силах удержаться, подошел вплотную к очагу, уставившись на огонь, пока его лицо не покраснело от жара.

Легкая прохлада коснулась щеки. Цинь Хуань поднял голову и увидел, что Чжао Цинфэн смочил пальцы в соленой воде и провел ими по его щеке:

— Ваше высочество, отойдите подальше, а то обожжетесь.

Цинь Хуань, конечно, не хотел уходить, но все же повернулся и побежал к глиняному тазу, стараясь подражать Чжао Цинфэну и мять тесто для лепешек.

Под жаром дров лепешка начала медленно раздуваться, покрываясь пузырьками, на которых проступали золотисто-коричневые подпалины. Наконец горячую лепешку достали из печи. Чжао Цинфэн, дуя на нее, оторвал кусочек и сунул в рот Цинь Хуаню.

Цинь Хуань, обжегшись, все же упрямо прожевал лепешку и проглотил.

Белый пар, словно туман, витал в узкой кухне. Так тихо и спокойно прошел вечер перед началом бури.

После ночных забав на следующее утро оба встали пораньше, чтобы поскорее вернуться во дворец. Скоро должно было начаться представление, и даже если не удастся увидеть все своими глазами, то хотя бы услышать происходящее поблизости было уже радостью.

— Это правда? — После утреннего приема главный евнух Ли Хуэй тайком перехватил канцлера Хэ Уцина, и на его лице читалось беспокойство. Сначала Хэ Уцин в душе посмеивался над его юношеской горячностью, но когда услышал, о чем сообщил Ли Хуэй, то полностью потерял самообладание, и его обычно сиплый голос стал громче.

Ли Хуэй с выражением сложных чувств на лице не переставая кивал:

— Абсолютная правда. Два месяца назад я сопровождал императора на пруду, где мы любовались рыбами, как раз в это время там оказалась наложница Чжу. Его Величество сначала лишь обменялся с ней парой слов, но вдруг почему-то затеял игру и пошел к ней в покои.

— Происхождение наложницы Чху совершенно прозрачно, и я был спокоен, думая, что просто развлекаю императора. Кто бы мог подумать... прошлой ночью у нее обнаружили беременность.

— Как такое возможно? Разве император не был бессилён в этом? — Хэ Уцин зашагал взад-вперед и снова спросил:

— Ты уверен, что это действительно императорский ребенок?

Ли Хуэй продолжал кивать:

— В этом я уверен. Во-первых, у наложницы Чху не хватит смелости изменить, а во-вторых, сроки идеально совпадают.

Значит, это правда — Хэ Уцин приложил руку ко лбу. Ведь состояние здоровья Цинь Юя было

известно только им двоим. У императора не было проблем со здоровьем, просто все эти годы, несмотря ни на что, они не могли заставить Цинь Юя вступить в близость с женщиной. Возможно, в этот раз он вдруг прозрел... Хэ Уцин, стараясь сохранить спокойствие, взвесив все за и против, спросил:

— Есть ли еще кто-то, кто знает об этом?

Услышав это, Ли Хуэй побледнел как смерть и чуть не упал на колени перед Хэ Уцином:

— Когда ей ставили диагноз, наложница Чху была в компании других наложниц, они болтали и смеялись. Когда ей стало плохо, то сразу же пригласили врача. В тот момент народу было много, глаз слишком много, так что скрыть это было невозможно.

— Значит, многие уже знают? — Лицо Хэ Уцина стало еще мрачнее. Если знают во дворце, то князь Цзи наверняка тоже в курсе...

Ли Хуэй продолжал кланяться и извиняться, но Хэ Уцин лишь махнул рукой и молча ушел.

— Князь Цзи и Хэ Уцин объединятся именно из-за этого наследника. — В павильоне Вэньхун Цинь Хуань небрежно писал, копируя новый каллиграфический стиль, полученный от императора несколько дней назад. Маленький евнух Дэ До хотел помочь господину растереть тушь, но был вытеснен из комнаты незванным гостем, маркизом Чжуннин, и теперь скучал под карнизом, глядя на все более оголяющиеся ветви деревьев.

— Для князя Цзи, если у Цинь Юя не будет сына, трон в будущем неизбежно перейдет к его собственному сыну. — Закончив писать, Цинь Хуань не успел открыть рот, как Чжао Цинфэн забрал его работу.

На столе появился новый лист бумаги, и Цинь Хуань снова взялся за кисть:

— А для Хэ Уцина он изначально хотел получить поддержку князя Цзи, поэтому временно пообещал ему место наследника.

— Жаль только, что теперь он жалеет об этом. — Чжао Цинфэн, сменив бумагу, продолжил небрежно растирать тушь.

Цинь Хуань покачал головой:

— Нет, он начал жалеть не сейчас, а с того самого дня, как увидел Цинь Цзюня.

— Гнилая глина, которая не держится на стене, как она может выдержать его великие амбиции?

Чжао Цинфэн усмехнулся. Заговорщик, мечтающий о захвате трона, но при этом имеющий дальновидные амбиции управлять страной и заботиться о народе?

— Не смейся, наш канцлер Хэ, возможно, именно так и думает. — Цинь Хуань покачал головой с горькой усмешкой:

— В те годы он наверняка считал, что Да Ци в моих руках будет управляться хуже, чем в его, поэтому и устранил меня.

— Но спустя столько лет... — Цинь Хуань замолчал. За эти годы Да Ци в борьбе между Хэ Уцином и князем Цзи, их видимым союзом и скрытой враждой, стал еще более шатким. Он не

знал, есть ли у Хэ Уцина хоть капля раскаяния:

— Он хотел воспитать наследника по своему вкусу, но Цинь Цзюнь оказался полным ничтожеством. Боюсь, что в день его восшествия на трон наступит и конец Да Ци.

— Поэтому он так хочет, чтобы у Цинь Юя был собственный ребенок, даже если он не родится от императрицы Хэ. — Чжао Цинфэн счел это забавным, взял кисть из рук Цинь Хуаня и неспешно произнес:

— Неужели канцлер Хэ совсем одурел от старости? Даже если у Цинь Юя родится сын, разве князь Цзи добровольно отдаст трон?

— Он не одурел, он просто постарел. — Цинь Хуань отошел от стола, разминая все еще ноющие поясницу и ноги. Заметив это, Чжао Цинфэн тотчас приступил к делу, молча «искупая вину», но Цинь Хуань даже не взглянул на него, продолжая говорить о главном:

— Из-за старости его одержимость стала еще сильнее. Разве он не знает, о чем думает князь Цзи? Просто, видя хоть малейшую надежду, он не хочет так легко сдаваться.

Возможно, Хэ Уцин под давлением реальности и князя Цзи в конце концов решит избавиться от этого ребенка, но сейчас он точно будет колебаться и сомневаться.

— А время его колебаний для нас — более чем достаточно.

За несколько дней слухи о призраке наследного принца еще не успели утихнуть, как новость о беременности наложницы Чху swept через весь Передний двор и Задний дворец.

— Наследный принц! Я и есть наследный принц! Как этот еще не родившийся младенец смеет лезть мне на голову! — Во Восточном дворце Цинь Цзюнь, лишенный утешения Фэй Юэ, в последние дни стал еще более свирепым. Услышав о беременности наложницы Чху, он перестал сдерживать бушующий в сердце гнев, полностью игнорируя приказ отца, князя Цзи, сохранять спокойствие. Он пнул служанку, стоявшую рядом, и одним движением рук смахнул все со стола на пол.

— Кто! Кто распустил этот слух! — Красные глаза Цинь Цзюня яростно смотрели на прислужников, вжавшихся в пол. Он по очереди хватал их за воротника и с криком спрашивал:

— Ты! Это ты?

— Ты думаешь, что появился новый хозяин?

— Ты думаешь, что я должен уступить трон?

Опрашиваемые служанки отчаянно качали головами, но Цинь Цзюнь не собирался останавливаться. Он схватил ту, что дрожала сильнее всех, сжал ей горло и высоко поднял:

— Говори! Кто сказал, что будет новый наследный принц!

Служанка отчаянно боролась, дыхание ее прерывалось. Наконец, другая служанка, ее подруга, не выдержала и с плачем бросилась к ногам Цинь Цзюня:

— Это Сяо Нунцзы... Он первый заговорил об этом, она тут ни при чем... Ваше высочество, пощадите!

Услышав это, лицо Цинь Цзюня исказила еще более извращенная улыбка. Он швырнул служанку в сторону и приказал привести евнуха Сяо Нунцзы отдельно...

— Ваше Величество, императрица! — Нарядно одетая старшая служанка дворца Фэнъи поспешила к императрице Хэ, которая перед зеркалом примеряла новое платье, и наклонившись, тихо поведала ей о том, что только что произошло в Восточном дворце.

Императрица Хэ смотрела в зеркало на свежий красный жемчужный пион в своей прическе, но ничего не сказала.

Рядом личная служанка Жун-эр вежливо улыбнулась, сняла красный пион и заменила его золотой шпилькой с фениксом, мягко сказав:

— Шпилька с фениксом больше всего подходит вашему высочеству. Не надеть ли ее на послезавтрашний день рождения?

Императрица Хэ коснулась золотого феникса, готового взлететь, на ее лице постепенно возвратилась обычная улыбка — величественная, безупречная, в которой не было ни единой ошибки, но и ни капли искренности:

— Верно, пусть он бесится, если хочет.

<http://bllate.org/book/16488/1498140>